

Начало конца Все катится в пропасть. И в первую очередь души, А с ними и всё остальное, возвращённое в мыслях. А что не продается само; кто-нибудь, да задушит, А что не забудется; то потеряется в числах. И прежде великое слово покажется шумом, И прежде любимые вещи сереют от пыли. О чем мы вчера ужасались хотя бы подумать, То нас завлекло. И сегодня уже совершили. Это была ночь разврата и безудержного пьянства. Разврата, потому что изменять Галине прямо у неё на глазах, да ещё и оскорблять её за то, что она старалась, из кожи лезла, чтобы сделать меня счастливой, плюнуть ей в лицо, да ещё и послать на три буквы – это уже и развратом не назовёшь, это натуральное скотство! Сейчас я это прекрасно понимаю, но в тот вечер я слишком много выпила и мне было на всех и на всё наплевать! Притащив из бара ещё виски, я продолжила пить прямо из горлышка. Вика стала меня уговаривать, пытаюсь отобрать у меня бутылку, но я и её послала на три буквы. Тогда она побежала за Галиной и они уже вдвоём стали на меня «влиять», но чем больше они упрасивали меня остановиться, тем больше я распалялась. Ты, сука, сказала, что меня, «блядюгу поганую», видеть не можешь, так я тебя лишаю этого неудобства! Я уйду от тебя! Живи здесь одна себе в радость! И я ушла. Ушла среди ночи в одном халате и тапочках. Я шла через лес, в темноте натыкаясь на деревья, продиралась через кусты, а в голове стояли слова Галины – «блядюга поганая!». Злость и обида туманили мой рассудок, но я шла напролом, сцепив зубы. Наконец, выбившись из сил, я присела отдохнуть, перевести дыхание, собраться с мыслями. По мне ползали какие-то жучки и букашки, кусали меня за ноги, забирались под халат. Идиотка! Даже трусы не надела!; злилась я на себя. Ну, ничего! Сейчас они бросятся меня искать, а когда найдут, будут просить прощения! Я, конечно, вернусь домой, но с Галкой разговаривать не буду!; успокаивала я себя. Но на улице становилось холодно, а меня никто не искал. Тогда меня охватила ещё большая злость и обида на Галину. Мою злость усиливали и мерзкие твари, искусавшие мне всю задницу и ужасный холод, пробравший до самих костей. Начиная осознавать всю безысходность своего положения, я, как загнанный зверь, ломая кусты и раздвигая хлеставшие по лицу ветки деревьев, побрела напролом. Через час блуканий по тёмному лесу, я вышла, наконец, на шоссе. Дорога была пустынна, ни одной машины, ни в ту, ни в другую сторону не было. Постояв на одном месте минут десять, я побрела в сторону города. Ночная прохлада немного меня отрезвила, но я ужасно устала, и моё тело стало быстро слабеть. Засыпая на ходу, я одиноко брела по ночному шоссе, как вдруг возле меня остановилась машина. Ну, вот и настало решение моего, слишком затянувшегося вопроса!; подумала я, представив, как сейчас из машины выйдет пара здоровенных жлобов и станут меня жестоко насиловать, а потом ещё и прикончат. Уж лучше бы сразу убили!; обречённо подумала я. Спротивляться я уже не могла, а кричать и звать на помощь, было бесполезно. Девушка! У Вас всё в порядке?; услышала я мужской голос. Ночью одной ходить по трассе опасно! Садитесь в машину, я подвезу Вас до города! Открыв дверцу, я села в машину. Хоть тепло! – подумала я и стала засыпать. Девушка, девушка! Вам куда?; сквозь сон услышала я голос водителя. Господи, что с Вами? Может Вас в больницу отвезти?; Не надо меня ни в какую больницу, я здесь выйду!; Но куда же Вы пойдёте? Ведь ночь на дворе,

транспорт не ходит! Скажите куда Вам ехать, я отвезу Вас прямо домой! * * * * * Спасибо, но у меня нет с собой денег! * * * * * Да плевать мне на деньги! Когда-нибудь отдадите! * * * * * Тогда отвезите меня к маме! * * * * * Господи, Лидочка, что случилось? * * * * * испуганно вскрикнула мама, увидев меня на пороге своей квартиры. * * * * * Вася! Иди быстрее сюда, к нам Лидочка, моя доченька пришла! В прихожую вышел мужчина в семейных трусах, почесал затылок, взял меня под руку, проводил на кухню и усадил за кухонный стол, заставленный немойтой посудой и пустыми консервными банками. Господи! Мама же никогда не пила! * * * * * испуганно подумала я, увидев под столом гору пустых бутылок. * * * * * Что это ещё за Вася? * * * * * Знакомься, это Василий Петрович! * * * * * представила мне мама небритого мужика, с сильным перегаром изо рта. * * * * * У меня тут не прибрано, но ты не обращай внимания * * * * * мы с Васенькой вчера посидели немного, я ещё ничего не убирала! * * * * * смущённо попыталась она запахнуть халат, обнажавший её ноги, покрытые узловатыми синими венами. За то время что мы не виделись, мама очень изменилась * * * * * её красивое лицо заплыло, губы потрескались, взлохмаченные волосы давно не знали расчёски, а её груди беспомощно свисали под застиранной тканью халата. * * * * * Ей надо похмелиться! – мудро изрёк Василий Петрович, почёсывая небритое лицо и извлёк из-под стола бутылку водки. Мама щедро сервировала стол рыбными консервами, кислой капустой и даже открыла баночку маслинок. После первой рюмки водки мне стало намного легче, в голове прояснилось, а по телу разлилось живительное тепло. * * * * * Наливай, Василий Петрович, по второй! – оживилась мама. И мы начали похмеляться. Похмелье незаметно перешло в пьянку, пьянка затянулась и у нас начался процесс неконтролируемого запоя. Дни и ночи пролетали как в тумане, а мы всё пили и пили. Когда водка заканчивалась Василий Петрович бегал в магазин и приносил ещё. Сколько дней это продолжалось * * * * * не знаю. Когда я вырубалась, засыпая прямо на кухонном диванчике, мне снились сны, больше похожие на кошмарный бред. Однажды мне приснилось, что я бегу через густой лес, а за мной гонятся голодные, злые волки. Догнав меня, они рвут на мне одежду, царапают своими грязными, волосатыми лапами. Ожесточённо отбиваясь от них, я с ужасом понимала, что это никакие не волки * * * * * это здоровенные мужики с сильным перегаром, исходившим из их открытых вонючих пастей. Мужики пытаются меня изнасиловать, а стоящая недалеко от нас Галка, со звериным оскалом на лице, снимает всё это на камеру. * * * * * Ах ты тварь такая! – услышала я сквозь сон. * * * * * Тебе своих кобелей мало так ты ещё и на моего Васеньку позарилась? Я открыла глаза и Галка тут же превратилась в маму. Стоя надо мной с перекошенным от злости лицом, она выкрикивала какие-то ругательства, а Василий Петрович, низко опустив голову, что-то сбивчиво ей объяснял. Моё куценькое одеяло сползло на пол, коротенький халатик сбился, во всей красе обнажив моё ничем не прикрытое тело. Плохо соображая, что происходит, я одёрнула халат, и неожиданно почувствовала что-то липкое, размазанное у меня по всему животу и бёдрам. Пронзённая ужасной догадкой, я моментально пришла в себя. Вскочив с диванчика я обследовала себя, но слава Богу, между ног у меня всё было сухо! Посмотрев на притихшего Василия Петровича, я перевела взгляд на маму. * * * * * Убирайся! * * * * * заорала она на меня, брызгая слюной. * * * * * Сама не живёшь и людям не даёшь! Пришла тут, моего Васеньку совращать. Лежишь, пизду свою бритую выставила * * * * * ни стыда, ни совести нет! Вали на хер отсюда, шлюха бесстыжая! С сочувствием посмотрев на маму, я налила себе стакан водки, выпила залпом и ушла не попрощавшись. На этот раз я ушла даже без тапочек.

А на дворе уже была поздняя ночь. Куда теперь идти? ‒ с содроганием думала я. ‒ Я, дура безмозглая, по своей глупости лишилась всего! У меня нет ни квартиры, ни машины, я практически голая и босая. У меня нет ни денег, ни даже паспорта! Телефон и кредитные карточки ‒ всё осталось у Галки. Я не могу себе даже позвонить! Умолившись на подоконнике у окна на лестничной клетке, я решила: ‒ ничего, подремаю до утра, а там видно будет!